

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ ПОЗНАНИЯ

Ю. ВИНЦЮНАС

Процесс восхождения от незнания к современной научной картине мира является по своему существу историческим и общественным: эта картина создается обществом в ходе его развития. А так как общество состоит из отдельных индивидов, каждый из которых является общественным существом, то при решении гносеологических проблем ни в коем случае нельзя упускать из виду социальную природу человека.

Вопрос об общественной природе человека в нашей философской литературе наиболее полно раскрывается в плане исторического материализма и отчасти в темах, посвященных происхождению сознания, но он, на наш взгляд, не находит должного отражения в теории познания. Это, в первую очередь, ведет к ограниченному пониманию проблемы субъекта познания. Последний скорее рассматривается лишь как познающий индивид, общественная природа которого остается по существу за пределами этой проблемы.

Цель настоящей статьи — обратить внимание читателя на известную истину, что человек является общественным существом, и показать, что он лишь *как таковой* участвует в *общественно-историческом* процессе познания.

* * *

С возникновением диалектического материализма гносеология получила прочную методологическую основу для решения своих проблем. Важным моментом является то, что К. Маркс и Ф. Энгельс отбросили неисторическое, абстрактное, антропологическое понимание сущности человека. Они показали, что человек — продукт общественной жизни, а человеческое мышление, сознание, стремления в целом определяются тем, в каких общественных формах он действует и какие отношения связывают его с другими людьми. Конкретно — исторического человека связывают с определенным обществом не только производственные отношения — он вырастает из густой ткани политических, правовых, национальных, моральных, эстетических, семейных и других общественных отношений. Все общественные отношения в совокупности и определяют исторически конкретную индивидуальность человека. «Индивид *есть общественное существо*. Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме *коллективного*, совершаемого совместно с другими, проявления жизни, — является проявлением и утверждением *общественной жизни*»¹. Говоря о человеческой

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, М., 1956, стр. 590.

сущности. К. Маркс отмечал, что она «в своей действительности... есть совокупность всех общественных отношений»².

Домарксовские материалисты не понимали, что сущность человека находится не в нем самом, а в общественных отношениях между конкретными людьми, и поэтому их гносеология и подвергалась критике идеалистов. Момент «изолированности» (не познана сущность общественной природы человека) делал и делает беспомощным не только созерцательный материализм, но также и современную идеалистическую философию, особенно при решении таких вопросов, как активность человеческого познания, происхождение категорий, соотношение субъективного и объективного.

Принимая во внимание, что человек является общественным существом и только как таковой он познает окружающий его мир и самого себя; нужно попытаться рассмотреть, как биологический индивид становится общественным и тем самым человечески познающим мир. Для теории познания очень важно знать, как и какие условия делают человека субъектом познания, от чего зависит его познавательная деятельность. К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что в результате общественно-исторической деятельности индивид начал выделять себя из окружающей среды, понимать, что природа является объектом его деятельности. Ф. Энгельс писал, что «существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научился изменять природу»³. Благодаря общественной практике возник язык, развилось логическое мышление, возникло человеческое общество. Это общепринятая принципиальная, до сих пор конкретно не разработанная схема.

Мы здесь не собираемся проследить становление человека через толщу тысячелетий и заполнять белые пятна. Обратим внимание лишь на две взаимосвязанные стороны, формирующие «общественное» в индивиде: на общественно-историческую практику и на роль языка. Оба эти фактора очень важны для правильного понимания субъекта познания.

При анализе процесса познания в целом, а также в исследованиях, посвященных формированию субъекта познания в филогенетическом, т. е. историческом, аспекте, следует не забывать той важной границы, которая проходит между неандертальцем и современным человеком. «По ту сторону границы, т. е. у сформировавшегося человека, его трудовая деятельность имела теснейшее отношение к его морфологической эволюции. По эту сторону границы, т. е. у современного «готового» человека, его трудовая деятельность протекает без всякого отношения к его морфологическому прогрессу»⁴.

В наших дальнейших рассуждениях будем иметь в виду современного человека.

Сейчас уже хорошо известно, что биологическая наследственность связана с определенной биологической структурой самого организма, что морфологическая изменчивость связана с передаваемыми по наследству биологическими изменениями. Так как несомненно, что психика у дальних наших предков была очень примитивна, то как будто резонно напрашивается мысль, что, возможно, изменения человеческой

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, М., 1955, стр. 3.

³ Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1950, стр. 183. В конкретном решении этой проблемы немало сделал советский философ-историк Ю. И. Семенов в своей книге «Возникновение человеческого общества», Красноярск, 1962.

⁴ Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, Антропология, М., 1963, стр. 311.

психики также фиксируются в биологических структурах организма и таким образом передаются из поколения в поколение. Такое решение данного вопроса, как подсказывает нам психология, является в основном недостаточно обоснованным. Хотя биологическую наследственность имеет также человек, но результаты познавательного процесса путем биологической наследственности не передаются (точнее, то, что передается, не имеет существенного значения для общественного познания). Тот материал, который в своем онтогенезе (за всю свою жизнь) познал отец, сын через наследуемую биологию отца не получает. Ребенок вырастает человеком, развивается в человека, как говорил Пиаже, только в условиях социальной среды. Физик не рождается физиком, а потомок многих поколений сапожников, попавший в другие условия, чем жили его предки, не сумеет даже узнать назначение колодки.

Развитие человеческой психики, особенно после того, как сформировался современный тип человека, т. е. примерно около 40 тысяч лет тому назад, уже не связано непосредственно с биологической наследственностью. «Начиная с этого момента, достижения в развитии психических способностей людей закреплялись и передавались от поколения к поколению в особой форме, а именно в форме внешнепредметной, экзотерической»⁵. Это надо понимать так, что исторический опыт человеческого рода передавался и передается через продукты трудовой деятельности, так как человеческая практика концентрируется в измененной человеком действительности, в вещах, созданных трудом. «История промышленности и возникшее предметное бытие промышленности являются раскрытой книгой человеческих сущностных сил»⁶.

Если представить себе индивида, не изолированного от других людей, но изолированного от измененного человеком мира, нам станет ясным, что с помощью только одних понятий ему невозможно будет передать реальное состояние отношения человека с природой. Для этой цели нужны предметы, измененные разумной рукой природы. В созданных человеком вещах кристаллизируются человеческое знание и способности, которые раскрываются тогда, когда другие люди осуществляют с теми же предметами активную деятельность, соответствующую их назначению. И чем сложнее измененная человеком среда, чем больше зафиксировано в ней разнообразного труда, тем шире становятся возможности развития индивида, развивающегося в этой среде: он может усвоить гораздо больше овеществленного труда, его кругозор расширяет написанная другими людьми «вещественная книга». Производство, продукт производит субъект. Здесь нельзя не вспомнить слова К. Маркса, что «предмет искусства, — а также всякий другой продукт, создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой. Производство производит поэтому не только предмет для субъекта, но также и субъект для предмета»⁷.

Таким образом, созданный многими поколениями, окружающий человека предметный мир, сам раскрываясь, распредмечиваясь, формирует человеческое — конкретно-историческое общественное, которое обусловлено уровнем практического изменения природы.

Процесс распредмечивания это не простое воспроизведение идеи, проекта предмета. Так как предмет является также и результатом синтеза мыслей, то он воспроизводит в других людях также содержание

⁵ А. Н. Леонтьев, О социальной природе психики человека. — «Вопросы философии», 1961, № 1, стр. 29.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 594.

⁷ К. Маркс, К критике политической экономии, М., 1949, стр. 204.

идеального, которое уже имеет в себе качественно различные моменты. Таким образом, постоянный процесс распредмечивания, который не происходит в отрыве от языка и других форм человеческой деятельности,— это постоянное появление нового в познании.

Мы сейчас обращаем внимание только на «застывшую практику», т. е. на ту человеческую деятельность, которая находится в своеобразно закодированном виде в измененной человеком природе и которая раскрывает себя в тех случаях, если с предметами (особенно важно: орудиями труда) производятся определенные действия.

Говоря о роли общественно-исторической практики в формировании познающего субъекта, мы в дальнейшем попытаемся показать, что человек может познать объективную реальность постольку, поскольку ему позволяет проникнуть в тайны мира существующий практический способ познания действительности.

История человечества — это история постепенного овладения природой, создававшейся деятельностью не одного, а многих поколений людей. Радуемся ли мы фотографии заблудившегося к-мезона, восхищаемся ли мы архитектурой старого Вильнюса или воспроизводим в голове целый наш материк, полностью потерявший свой естественный облик,— каждый этот пример говорит об умственной и физической работе не одного человека и даже не одного поколения. Конечно, в изменении лица страны участвовало значительно больше и разума и физических сил, чем при открытии элементарной частицы. Но даже и в последнем случае никто не сможет сказать, что мир узнал о существовании до сих пор неведомого гиперона лишь благодаря разуму одного ученого.

Все, что мы сейчас имеем, создано объединенными усилиями многих поколений, а не отдельными людьми. Познавательные способности отдельного человека развились и развиваются только на основе общественно-исторического знания, на основе всей совокупности достижений человеческого разума и рук.

Если общество в начальной стадии своего развития довольствовалось непосредственными данными производственного процесса, то в дальнейшем возникают экспериментальные методы исследования, научное, целенаправленное воздействие на природу. И чем больше развивается наука, тем теснее становятся связь эксперимента, исследования с существующим техническим уровнем. Научное познание мира может реализоваться только тогда, когда для этого имеются реальные и технические возможности, когда можно создать необходимые машины, аппараты. Алхимики, например, тысячу лет бились над в принципе осуществимой идеей, но они не смогли превратить простые элементы в золото не потому, что были неспособны, а потому, что технический уровень не позволял создать такой «философский камень». В настоящее время нас уже не смущает тот факт, что из других элементов можно делать крупинки «драгоценной материи».

Если мы станем объяснять, почему в эпоху Ренессанса во всех областях человеческого творчества появилось множество гениев и талантов, то и в данном случае следует говорить не о какой-то мутации «*homo sapiens*» как вида, а о тех коренных изменениях, которые начали происходить при ломке феодальных отношений. И здесь мы будем подчеркивать развитие производительных сил, давать характеристику уже нового отношения: человек — природа. Так, мы можем поставить очень много вопросов: об электронном микроскопе, о современных ускорителях элементарных частиц или атомных реакторах, которые отдельным странам не доступны. Мы всегда должны будем отвечать, что научный

эксперимент не может не считаться с общественным производственным уровнем. Особенно это ярко видно в настоящее время, когда для научных целей строятся специальные установки, своими размерами превышающие крупные заводы, когда теоретическое мышление человечества основывается на множестве практических операций.

Грубая примитивная обработка камня первобытным человеком и самые сложные операции в ультрасовременных лабораториях — это два крайних звена в непрерывной цепи прогресса познания природы. Но важно отметить, что каждая ступень практического проникновения человека в природу вещей обусловлена всем достигнутым до этого практическим опытом и знаниями, всеми бывшими ступенями этого знания. С другой стороны, нередко случаи, когда человеческая теоретическая мысль как будто вырывается далеко вперед, выдвигает такие идеи, которые практически реализуются только спустя довольно длительное время.

В начале двадцатого века была выдвинута идея, что структура вещества содержит колоссальное количество энергии, практическое использование которой может сильно обогатить наши энергетические ресурсы. Но, как мы знаем, практическая реализация этой идеи, техническое использование было достигнуто только в 1945 г., когда были созданы атомные бомбы — «толстячки», как их цинично называли сами создатели.

Такого рода факты не говорят о том, что теория носит независимый, оторванный от человеческого практического опыта характер. Опережая практику, теория основывается на уже имеющемся практическом опыте и на уже усвоенных теоретических знаниях. В этом — ее сила. Если же вернуться к упомянутому выше примеру, то разве могла бы возникнуть идея ядерной энергии, если бы до этого не были обнаружены катодные, рентгеновские лучи, если бы не были исследованы радиоактивные вещества.

В познавательном процессе, в отдельных его звеньях всегда бывает «застой», когда накапливаются факты, более богатый опыт (например, что касается химии как науки, то этот процесс длился не одно столетие) и есть бурное кипение, рождение «сумасшедших идей» (Н. Бор), приводящих к более «разумной» картине мира. Человеческое знание подобно электрону, перескакивающему с одного энергетического уровня на другой, начинает светить новыми идеями. Что в науке происходят качественные скачки — достаточно известно, но не всегда обращается должное внимание на то, что эти скачки⁸ обусловлены общественным опытом. Между тем, если не учитывать общественно-исторического характера человеческого познания, а брать во внимание практику только как стимул движения человеческой познавательной деятельности и описывать ее результаты, т. е. факты истории науки, тогда трудно решать важную проблему о силе человеческого познания. Ведь сила человеческого интеллекта и состоит в том, что он может с помощью понятийного мышления оперировать опытом всего человечества. Тогда нам становится ясным (относительно ясным), как можно сделать скачок от привычной, как будто логически стройной картины мира в странную, непривычную область, где частица — не частица и волна — не волна.

Итак, каждая ступень познания обуславливается имеющимся практическим опытом и только в этих рамках может произойти теоретическое опережение практики, а сама теоретическая идея имеет практическое

⁸ В химии: количественный этап, качественный этап, теория строения, квантовая химия; в физике: классическая механика, квантовая механика и т. д.

значение постольку, поскольку имеются условия ее практического применения.

Когда мы говорим об общественно-историческом характере человеческой практической деятельности и формировании им общественного, то не надо забывать того, как передается общественный опыт одного индивида другому. В самом начале мы говорили об экзотерической функции предмета, созданного человеком, т. е. о том, как в дальнейшей человеческой деятельности происходит процесс распределения, как через этот процесс передается определенная информация общественного характера. Но одного распределения мало для того, чтобы один индивид получил опыт от других.

Для этого нужно еще иметь средство общения между людьми — общий язык, который является как будто аналогом историко-вещественной формы фиксации человеческого опыта. В понятиях фиксируется сущность вещей, которая раскрывается в общественно-историческом опыте и которая все время пополняется, передается от одного индивида к другому, из поколения в поколение. Без коммуникативной функции языка общество не смогло бы существовать. Возникновение человеческого общества — это вместе с тем и возникновение языка. Возникновение языка сыграло очень большую роль в формировании познающего субъекта. Язык сделал человека членом общества, дал возможность оперировать не только своим опытом, но и опытом других людей. Человек благодаря языку может располагать багажом знаний не только своего поколения, но и знаниями всех предыдущих поколений; в его распоряжении опыт всего человечества. Усваивая при помощи языка общественный опыт, индивид уже смотрит на явления как бы не своими глазами, а глазами общества. Здесь уместно вспомнить факт, доказанный психологами, что ребенок усваивает язык, а также и неписанные правила логического мышления, только общаясь с говорящими людьми. По выражению А. Перона, «ребенок в момент рождения — лишь кандидат в человека, который должен научиться быть человеком в общении с людьми». Усвоение языка путем общения с людьми есть не что иное, как усвоение того багажа информации, который несет как бы в концентрированном виде каждое понятие. Это также показывает, что каждый индивид может познать действительность постольку, поскольку он опирается на общественный характер научного познания.

Из вышесказанного должно быть ясным, что, изучая познание человека, мы не можем игнорировать общественно-исторического характера этого процесса. Ведь те научные проблемы, которые сейчас успешно решают ученые, вообще были недоступны людям, жившим на низших ступенях общественного развития. Более того, в силу объективной обусловленности нашего знания практическими достижениями в широком смысле слова, в силу того, что нельзя *перескочить* через эту обусловленность, можно сказать, что эти проблемы не только не могли решаться, но они в принципе даже и не возникали. Действительно, трудно себе представить ученого, который мог бы, скажем, в XVIII веке заняться проблемой пленочных элементов или полупроводниками в целом. И пусть нас в этом случае не смущают гениальные догадки греков или другие «досрочно» выдвинутые гипотезы. Всегда конкретный анализ покажет, что ранние догадки представляют собой концентрат общественного знания⁹.

⁹ То, о чем мы сейчас говорим, — это лишь принципиальная схема, необходимая для правильного подхода к решению проблемы о субъекте познания; конкретный же анализ любого большого открытия может дать много ценного и интересного как с точки зрения гносеологии, так и с точки зрения дальнейшего развития науки.

Общественный характер носит не только высшая ступень познания — абстрактное мышление, возникшее на основе общественно-исторической деятельности, но также и чувственное познание.

Изучая такие формы чувственного познания, как представление, восприятие, ощущение, мы не должны забывать, что хотя содержание их зависит от отражаемой действительности, а форма, в основном, от биолого-анатомических свойств познающего индивида, они всегда обусловлены и человеческой практикой и человеческими знаниями, они связаны с понятиями и категориями. Представления и другие формы чувственного познания могут играть познавательную роль только тогда, когда они связаны с абстрактным мышлением. Мы, например, часто говорим, что «твердое», «мягкое», «сладкое» и т. д. есть ощущение. Но как они тесно связаны, просто неотделимы от понятий! Мы ведь не только чувствуем «твердое», но и мысленно представляем «твердое», сразу же содержание ощущения связываем с содержанием понятия. И нелегкую задачу задает себе тот, который попытается точно установить грань, где у сформировавшегося человека кончается представление и где начинается понятие. Так что одно дело — ощущения, представления животного и другое — ощущения, представления человека, у которого они всегда связаны с мышлением. Когда на человека действует впервые увиденный им объект, он всегда связывает получаемые от этого объекта ощущения со своим мышлением, включает их в определенную систему своего понятийного фонда, в систему своего знания. Получаемая им чувственная информация тем самым приобретает социальный характер.

В связи с этим следует упомянуть характерное для многих философов (как наших, так и зарубежных) нежелание считаться с тем, что на чувственное познание человека накладывает свою печать общественное и что тем самым чувственное познание людей отличается от познания животного. Человеческие ощущения отличаются от ощущений животного прежде всего по характеру информации. Высшие животные видят и слышат во многих случаях лучше, чем мы, но мир цветов и звуков не дает им и тысячной доли той информации, которую дают человеку электромагнитные или звуковые колебания. Это потому, что животные пользуются только инстинктом и своим сугубо индивидуальным опытом, а мыслящий человек — опытом общественным, воспринятым его сознанием.

Все вышеизложенное говорит о том, что индивид участвует в процессе познания не только как самостоятельный субъект, своими собственными силами познающий сущность явлений, а как *представитель* всего человечества. Поэтому *настоящий субъект познания — это человечество в своем историческом развитии.*

Это не значит, что мы игнорируем индивидуальность познающего мир человека. Человечество состоит из индивидов, умственное развитие каждого из которых имеет две стороны: индивидуальные способности и определенную сумму знаний. Основной багаж своих знаний индивид получает от общества, когда он учится говорить, обучается в школе и т. д. Личный опыт в знаниях индивида занимает более чем скромное место. Умственное развитие индивида всегда обуславливается развитием общества. Люди, которые в настоящее время обогащают наше человеческое знание новыми, до сих пор неизвестными понятиями, встречаются редко. Это ученые, но и они говорят свое действительно новое слово только потому, что смогли лучше других усвоить и применить духовное богатство общества.

Это «лучше других» не значит, что ученый — простая арифметическая сумма человеческого опыта и знаний и что чем больше слагаемых, тем крупнее ученый. В каждом человеке получаемая им общественная информация в зависимости от многих обстоятельств, в том числе и от способностей индивида, компонируется по-разному, индивидуально, неповторимо.

Вопрос о субъекте познания осложняется тем, что процесс познания, который является, несомненно, общественно-историческим, осуществляется отдельными индивидами и основывается на их чувственных восприятиях и способностях к абстрактному мышлению. Мы здесь говорим об обществе, как субъекте познания, но все-таки очевидно, что открывает новые законы, конструирует теории не общество, а отдельный индивид. Это противоречие по существу уже разрешается констатированием того, что если биологический индивид рода «разумного человека» не приобретает или теряет общественное, то о нем, как познающем и, главным образом, участвующем в общественно-историческом процессе познания, говорить нет смысла. Противоречие разрешается пониманием того, что человек (индивид) — общественное существо. Но, чтобы избежать некоторых недоразумений, попытаемся раскрыть это положение несколько шире.

В данной статье мы главное внимание обращаем на то, какими основными путями индивид приобретает общественное, и на роль последнего в познавательном процессе. Но, как уже говорилось, каждый человек в зависимости от очень различных факторов (начиная с некоторых врожденных моментов и кончая непосредственными социальными классовыми связями) по-разному, *индивидуально* приобретает общественный багаж и индивидуально смотрит на мир. Все понятия, например, которые употребляет писатель, носят не индивидуальный, а общественный характер, но писатель создает сугубо индивидуальное произведение. Более того, индивидуальность писателя в значительной степени определяют ценность его творчества. Подобное мы видим и у ученого, открывающего новую страницу в науке. Он не только открывает, он и творит: ведь та субъективная форма, в которую оформляется открытие, во многом зависит от его индивидуальности.

Каждый человек многими свойствами отличается от другого, каждый человек, попросту говоря, является индивидом и притом неповторимым. Но не все его индивидуальные свойства в равной мере важны при познании им мира.

Мы здесь обращаем внимание лишь на главную, существенную сторону в индивиде, обуславливающую процесс познания. И в этом отношении можно сказать, что *индивидуальное* человека есть не что иное, как *общественное*. Индивидуальное, неповторимое в человеке как бы слагается из компонентов общественного. Как общественная жизнь очень разнообразна и богата, так и в каждом человеке «элементы» общественного сочетаются по-разному неповторимо, то-есть индивидуально. У одного индивида знания о клетке связаны больше с химией, а у другого — с математикой, у одного этика больше связана с эстетикой, а у другого — с логикой, у одного больше развита зрительная память, а у другого — логическая, но из-за этого их знания не теряют своего общественно-исторического характера.

Формирование общественного в каждом индивиде есть формирование и *основы* и *характера* познания. Человеческое познание происходит не на пустом месте, не на чисто индивидуальной, а на общественной основе. Оно в первую очередь опирается на *понятийный, катего-*

риальный характер мышления, который, несомненно, является «чисто» общественным.

В данной статье мы специально не останавливаемся на важном вопросе о том, как отдельный человек приобретает индивидуальный опыт, те крупницы знания, которых до него не имело общество, не рассматриваем более широко соотношения индивидуального и общественного, потому что в центре нашего внимания общественно-исторический процесс познания. В данном случае субъектом познания является не отдельный индивид, а общество. Только оно в целом создает научную картину мира.

В отношении получения индивидом знаний и их использования далеко не последнее место занимают особенности материальной структуры человека, его способности и вся та обстановка, условия, в которых развиваются склонности, характер и другие черты человеческой психики, поэтому понятно, что гносеология и психология очень тесно связаны между собою, и не удивительно, что очень часто субъект познания буквально растворяется в психологических рассуждениях (напр., у К. Ясперса, Р. Каратини)¹⁰.

Как правило, игнорирование понимания человеческой сущности как совокупности общественных отношений приводит к антинаучному пониманию человека, личности; это не может не отразиться отрицательно на гносеологии. По вопросу о сущности человека существует очень много школ, концепций, которые вслед за старыми идеалистическими, метафизическими направлениями отдают первенство то соматическим факторам, то инстинктам, побуждениям, и, конечно, с авансцены не сходит абсолютизация сознания отдельного человека.

Характерна в этом отношении вышедшая в 1957 г. в Нью-Йорке книга «Теории личности»¹¹, где авторы, претендуя на всестороннее исследование вопроса, обсуждают 13 направлений, изучающих личность, но ни одно из них не исследует самого важного, не подходит к этой проблеме конкретно-исторически. Человек ведь не может быть понятием, если исследуются только функции человеческого тела и отдельно бихевиористически человеческая психика.

Яркий пример абсолютизации индивидуальной психологии, игнорирования общественной сущности человека и вместе с тем непонимания сути законов общественной жизни представляет книга известного в США профессора психологии Соломона Аша «Социальная психология», которая с 1952 по 1962 гг. издавалась в Америке 7 раз. С. Аш пишет: «экономические институты есть выражение стремления индивидов к обладанию, семейные институты есть следствие стремления индивидов к удовлетворению половых потребностей, а политические институты есть стремление индивидов к власти»¹².

В гносеологии подобная точка зрения выражалась и выражается в том, что обычно за основу берутся познавательные способности и возможности *отдельного* человека. Этот индивид трактуется абстрактно, в отрыве от того общественного развития, от тех общественных условий, в которых он живет и опытом которых он пользуется. Его познавательные способности берутся как постоянные, не связанные со всем развитием общества. При таком подходе нет разницы между познающим индивидом-дикарем и современным ученым — как познающие субъекты они становятся равноценными. Ставя так вопрос, нетрудно

¹⁰ Мы имеем в виду только гносеологическую сторону вопроса.

¹¹ *Hall Calvin S., Lindzey Gardner, Theories of Personality, New York, 1957.*

¹² *S. Asch, Social Psychology, New York, 1952, p. 242.*

«доказать», что человек не может познать мир. Ведь отдельно взятая личность, не опираясь на опыт, накопленный поколениями, действительно ничего не сможет сказать о мире, будет неспособна даже констатировать простейшую причинную связь. Если мы отнимем у человека то, что в нем есть общественного, мы получим животное, к которому уже ни в каком смысле нельзя применить понятие субъекта познания.

Как мы уже подчеркнули выше, субъектом познания является развивающееся общество, познающее мир через общественную призму отдельных индивидов. Поэтому, при рассмотрении проблемы познания мира, нужно брать за основу не *способности* отдельного человека, индивида, а *возможности* человечества. Если мы оторвем индивида от общественно-исторической практики, то его возможности познания мира станут равны нулю, в то время как познавательные возможности человечества, имея в виду его историческое развитие, являются в принципе неограниченными. Нет объективной основы для установления конечной границы возможного познания мира. Наоборот, чем дальше бежит стрелка времени, тем шире шагает познание человека. Достижения в исследовании «странных», т. е. элементарных, частиц, исследование космоса, моделирование биологических, логических и даже социальных процессов в этом отношении очень показательны. Кривая познания очень резко взметнулась вверх. И в этом, все возрастающем темпе накопления знаний (как отдельных факторов, так и теорий) также ясно виден общественный характер человеческого познания. В науку приходит все больше людей, между учеными все теснее становятся контакты, все богаче общественный научный опыт. В этом и нужно видеть одну из важных причин, почему человеческое знание растет все быстрее, почему кривая познания поднимается, как бы изображая геометрическую прогрессию.

Попытки же некоторых философских школ ограничить возможности научного знания областью человеческих ощущений, рассуждения о беспомощности человеческого познания основываются на извращении самого процесса познания, на игнорировании его практической основы, общественно-исторического характера и абсолютизации индивида в познании.

Общество действительно состоит из отдельных индивидов и основывается на их чувственных восприятиях и способностях абстрактного мышления. Наша цель и была показать в какой-то степени, что эти индивидуальные способности по своей сущности являются инструментами общественно-исторического процесса, исполняющие свою функцию не отдельно от этого процесса, не самостоятельно, а включаясь в него, пользуясь его возможностями. Такая трактовка проблемы дает возможность правильно подойти к верному пониманию силы человеческого мышления, к правильному решению вопроса, как из незнания получается знание. Правильное истолкование субъекта познания позволяет глубже понять отношение общества и индивида и в социологическом плане.

PAZINIMO SUBJEKTO KLAUSIMU

J. VINCIŪNAS

Reziūmė

Pažinimo procesas yra kelias nuo nežinojimo prie dabarties mokslinio pasaulėvaizdžio. Šis procesas yra istorinis ir visuomeninis: mokslinį pasaulėvaizdį tapo visuomenė. Sprendžiant gnoseologijos problemas, būtina turėti galvoje tai, jog žmogus dalyvauja pažinimo procese ne kaip pavienis „žmogiškosios“ giminės atstovas, pats grynai savo individualiomis jėgomis pažįstąs pasaulį, o kaip socialinė būtybė, kurios esmė yra „visuomeninių santykių visuma“ (Marksas).

Mūsų filosofinėje literatūroje visuomeninė žmogaus prigimtis daugiausia atskleidžiama, nagrinėjant istorinio materializmo klausimus ir iš dalies temose, kuriose liečiamas sąmonės atsiradimas. Pažinimo teorijoje gi socialinė žmogaus prigimtis gvildinama nepakankamai, o tatai veda į ribotą pažinimo subjekto supratimą.

Individas gali žmogiškai pažinti pasaulį, tiktai išaukęs visuomenėje. Gimęs kūdikis tėra „kandidatas“ į žmones: bendraudamas su jais, jis turi išmokti būti žmogumi. Pagrindinės bendravimo priemonės yra proto žmogaus rankomis pakeistas pasaulis ir kalba. Su jų pagalba žmogus įsivaina visuomeninį patyrimą, pradeda žiūrėti į reiškinius lyg ir visuomenės akimis, sprendžia konkrečios visuomenės protinių pasiekimų lygyje. Todėl ir tos mokslinės problemos, kurias šiandien sėkmingai sprendžia mokslininkai, buvo išvis neprieinamos žmonėms, gyvenusiems žemesnėse vystymosi pakopose.

Individas dalyvauja pažinimo procese kaip visos žmonijos atstovas; jo individualūs sugebėjimai iš esmės yra visuomeninio-istorinio pažinimo proceso instrumentai, atliekantieji savo funkciją ne atskirai nuo šio proceso, o įsijungdami į jį, naudodamiesi jo galimybėmis.

Kiekvieną pažinimo lygį sąlygoja esamas praktinis patyrimas plačiąja šio žodžio prasme, ir tik šio patyrimo ribose teorija gali pralenkti praktiką.

Ryšium su tuo daroma išvada, kad tikrasis pažinimo subjektas yra žmonija savo istoriniame vystymesi. Toks klausimo sprendimas nepaneigia individualybės vaidmens pažinimo procese, jis tik pabrėžia tai, kas apsprendžia šį procesą. Visuomeniškumo formavimasis individe apsprendžia ir būsimą pažinimo pagrindą ir jo pobūdį. Žmogiškasis pažinimas niekuomet nevyksta tuščiu, grynai individualiu pagrindu — jis remiasi visų pirma sąvokine mąstymo forma, kurioje yra susikoncentravęs visuomeninis patyrimas.

Toks klausimo sprendimas įgalina teisingai suprasti žmogaus mąstymo galią, parodyti nevaisingumą metafizinių, idealistinių pažiūrų, abso-
liutizuojančių individą pažinimo procese, ir pilniau išaiškinti visuomenės ir individo santykį sociologiniu aspektu.